

История изучения вопроса

Сообщения об убыхах до конца XVIII в. будут разобраны в главе «Древнейшие сведения», здесь же мы остановимся на новой литературе, появление которой было связано с колониальной политикой крепостнической России на Кавказе.

В 1776 г. Георги, не слыхав ничего об этом народе, относит их территорию к черкесской провинции Абазании (Abasania) [34, s. 132].

Впервые убыхи попадают на страницы печатной работы в 1787 г. у И.А. Гюльденштедта, который упоминает о них рядом с мифическим племенем тубы (Tubi, Ubuch). В действительности же Тубы являлись урочищем в верховьях р. Пшехи, на северной стороне Главного Кавказского хребта; предания абзахов и шапсугов считают Тубы своей прародиной. На карте, приложенной к книге И.А. Гюльденштедта, «убух» помещены также рядом с «туби», на запад от них в горах между верховьями рек Псекупсе и Пчаса. Такое помещение убыхов рядом с тубы надолго укоренилось после И.А. Гюльденштедта. Он относил оба племени к северо-западной Абхазии [40, s. 465; 76, s. 133].

У П.С. Палласа (1793–1794) «туби и убух» отнесены к Большой Абхазии, причем опять-таки на северном склоне Главного хребта: «Живут в горах, в верховьях Шаукеша (черкесское название р. Белой — Шхагуаше. — Л.Л.) и распространены западнее» [119, s. 367–368].

Я. Райнегс (1797) снова теряет убыхов, а страну, ими заселенную, относит к Абхазии (Avas) [127, s. 4].

Я. Потоцкий (1797) хотя еще более неверно указал местоположение убыхов, но в то же время, впервые в новой литературе, выделил их в особую народность. Он писал: «Обыхи (Obykhy) восточнее балкар являются народом отличным от черкесов и абазов; они также язычники». Он же поставил вопрос: не являются ли они потомками аланов? [123, p. 122].

К. Роммель (1808), указывая на положение Убыхии и Тубы, следует Гюльденштадту [131, карта].

Первые бытовые сведения о «туби и убух» находим у Ю. Клапрота (1812). По его словам, они говорят на одном из диалектов абхазского языка и обитают в самых высоких горах вблизи верховий р. Белой и р. Пшехи, а также над берегом Черного моря. Население этих племен отличается склонностью к разбоям, и в то же время они хорошие виноделы. Князей у них нет, но есть уздени. Живут же «туби» и убыхи не селениями, а разбросанно, среди леса, по три-четыре дома. В другом месте у Ю. Клапрота убыхи упомянуты уже без тубы, но рядом с ними появляется у него также вымышленное племя шаши, т.е. Сочи, которое на самом деле было лишь одним из округов Убыхии [78, s. 463, 475; 77, s. 251].

С. Броневский (1823) указывает: «Туби, убыхи, саши. Живут на вершинах р. Шад-гаше (р. Белая. — Л.Л.) в высоких горах, и причисляются

к северо-западной Абхазии». К ним же он причисляет различные асадзуаские общества и прибавляет: «Об них известно только, что они ни от кого независимы, управляются своими старшинами, выходят из гор пещи на воровство и большею частью похищают людей, коих продают в турецких крепостях» [20, с. 330, 341–343]

С проникновением русского влияния вглубь Кавказа, увеличиваются и известия о крае, до сих пор остававшемся почти неизвестным. Накопление этих известий шло, главным образом, по линии агентурных разведок (как путешествия Новицкого, Торнау) и служебных донесений чиновников (Тауш, Люлье, Скасси). Новицкий, проехав Черкессию, собрал всевозможные сведения, изложенные им в трех заметках. В одной из них он считает убыхов и соседнее с ними маленькое черкесское племя гуае частью черкесского племени натхуадж. Здесь же сообщает ряд интересных данных об экономике и общественном устройстве [111, № 23]. В другой заметке Новицкий упоминает «приморских убыхов, жителей урочищ Сочи и Вардане» [6, т. VII. С. 909]. В третьей заметке он как бы вступает в противоречие с самим собою, когда указывает «абазинские владения Вардане, и Саше». Но вопрос несколько разъясняется, когда он в другом месте поясняет, что кабардинцы и бесленей и черкесское племя абдзах называют термином абадзе, который применялся для обозначения горцев, проживающих вблизи Черного моря. В этой же записке Новицкий несправедливо отнес к убыхам и черкесское общество Хакуч [112, № 34, 38, 40].

Заметки Новицкого разрушили легенду о связях убыхов с Тубы, несколько уточнили их местоположение, но в то же время положили начало долго господствовавшему потом мнению, что убыхи являются одним из черкесских племен. Внедрению такого мнения содействовало совместное выступление убыхов и черкесов в Кавказской войне. В 1831 г. статья безыменного автора относит к черкесам не только убыхов, но и асадзуа [140]. Орест Евецкий (1835) Черкесией считает и Абхазию, но, отметив наличие 5 черкесских диалектов, он не упоминает убыхского [62, с. 92].

Платон Зубов в том же году, вслед за Новицким, относит убыхов и гуае к «особым коленам» натхуаджей и считает, что «Шахе и Суэбзе — отделяют землю народа адехе (т.е. черкесов. — Л.Л.) от Большой Абхазии», что противоречит первому его утверждению. Но в другом месте он окончательно запутывается, когда говорит, что черкесы отделяются от Абхазии р. Гагрипш («Гагрынис») [68, ч. II, с. 236; ч. III, с. 16, 24].

Ботаник Нордман, побывавший в укреплениях Черноморской береговой линии, среди населения побережья, упоминает все племена, за исключением убыхов. Жителей Адлера и Мамая он характеризует как отважных и ловких разбойников» [113, № 11, с. 403–404].

Дюбуа (1839) также причисляет убыхов и асадзуа к черкесам [58, р. 199–204 и др.]. Ф.Ф. Торнау, проживший сперва тайным агентом, а потом пленным в Абхазии, Асадзуа и Черкесии три года (1835–1837), считал на Западном Кавказе три племени: абхазы, черкесы и татары. В отношении убыхов он говорит: «Не знаю, позволено ли считать убыхов, имевших свой собственный язык, четвертым племенем, или они составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода». Ниже он продолжает: «Убыхи, которых некоторые считают народом особого происхождения, между реками Сочи и Шахе. На берегу моря они составляли, перемешавшись с сапсугами (т.е. шапсугами. — Л.Л.) несколько отдельных обществ: Хизе, Урдане, Шмиткуадж и Зюш, известных у черкесов под общим названием Ардона». «Саше» он отнес к асадзуа, причем говорит, что в «Саше» есть «отчасти» черкесы и убыхи [143, ч. I, с. 56, 112, 114–115; ч. II, с. 46]. Общество Шыметыкуадж по большинству других известий было черкесским. Под названием Зюш бесспорно кроется фамилия племенной знати Дзепш, возглавлявшей общину Вордане.

К черкесам относит убыхов и Сталь (1840-е годы). Он делит их на 5 обществ: «1) Убых, 2) Вардане, 3) Сочи, 4) Адзух и 5) Ахучипсы». Заметим, что два последних общества указаны ошибочно, из них Ахучипсы есть не что иное, как асадзуаское общество Ахчипсоу, а Адзух — несколько неправильно записанное черкесское наименование абхазов — азега. Сталь сообщает, что убыхское «дворянство (т.е. племенная знать. — Л.Л.) — черкесского происхождения, а чернь — отчасти черкесы, отчасти абхазцы — убыхи отличаются дерзким хищничеством» [139, с. 70, 96, 154].

Интересные для нас сведения мы черпаем из военно-географического обзора, составленного в 1840 г. неизвестным автором. Все побережье между реками Туапсе и Сочи, по словам этого автора, заселено «независимыми обществами, как племени асадзуа или сочи (? — Л.Л.), распространившимся из-за реки того же имени до округа Хизе, так и черкес, говорящих одним языком с убыхами, шапсугами и другими горцами». Под убыхами автор статьи понимает население только Верхней Убыхии. В статье приведены сведения о количестве населения отдельных сельских общин, о селениях и дорогах [85, № 50].

Если предыдущая работа являлась серьезным вкладом в область изучения убыхов, то еще большее для нас значение имеют мемуары английского коммерсанта Дж. Белля, прожившего среди черкесов и убыхов два с половиной года. Книга Дж. Белля полна самого разнообразного материала об убыхах: этнографического (в том числе даже фольклорного), лингвистического, исторического, археологического, и, кроме того, она насыщена фактами событий, разыгрывавшихся на глазах автора. Убыхи у

него скрываются под названием «абаза», но ему знаком и термин «убых», который у него означает Верхнюю Убыхию. Он констатирует большую смешанность населения побережья

К. Кох, сведения которого относятся ко второй половине 1830-х годов, считает заторную «Абасию» на юг от Шахе (Schacho) и, таким образом, относит Убыхию в Абасию, что у него означает и Абхазию [83, s. 322].

Ген. Раевский (1839) доносил начальству, что «р. Шахе <...> отделяет племя адиге (т.е. шапсугов и натухайцев) от убыхов. Владения последнего племени начинаются в нескольких верстах на юг от укрепления Св. духа» [6, т. IX, с. 461], т.е. Убыхия у него была расширена за счет Асадзуа.

Леонтий Люлье (1846) указывает на многоязычие убыхов. «Сей последний народ, — говорит Л. Люлье, — имеет свой особенный язык, не сходный ни с языком адиге, ни с абхазским. Это ныне язык черни, употребляемый преимущественно между простолюдинами, живущими в горных ущельях и на побережье моря. Дворяне убыхские все говорят адигским языком, но многие из них и простолудинов, в этом крае находясь <...> в соседстве к югу с абхазцами, говорят также свободно и на языке своих соседей» [97, с. 5; ср. с. 7]. В своих позднейших работах Л. Люлье ограничивает Убыхию р. Зюебзе и Хоста [95, с. 9–10; 96, с. 19] и снова повторяет, что «оно (племя убыхов. — Л.Л.) не принадлежит ни к адыгскому, ни к абхазскому корню» [95, с. 14]. Вспоминая «аланскую теорию» происхождения данного народа (у Я. Потоцкого), Л. Люлье прибавляет: замечательно, что поныне существует у убыхов одно племя (род? — Л.Л.), носящее имя «алань» [95, с. 14].

И.Ф. Штукенберг ограничивается указанием, что убыхи являются жителями окрестностей «Маimei» (мыс Мамай) и повторяет Дюбуа, говоря, что они начинают заниматься виноделием [167, с. 32].

М. Селезнев относит убыхов, как и всех в то время воевавших с царской Россией на Западном Кавказе, к черкесам и считает убыхов предками «рассеявшихся десяти израильских колен». Доказательства же его ограничиваются лишь тем, что убыхи «лицом, способностями души и качеством сердца (! — Л.Л.) — совершенные евреи» [133, кн. 3, с. 9, 34–35, 226]. Автор статьи «Горские племена живущие за Кубанью» обращает внимание на смешанный состав населения (убыхи; абхазы; черкесы) и хотя знает о наличии особого убыхского языка, но, так как этот язык все более вытесняется черкесским, автор считает возможным объединять убыхов с шапсугами и абдзахами в группу племен «абадзы». Он разъясняет, что это название присвоили им турки (? — Л.Л.), вообще с другими горцами. Черкесы адыге имеют родовых князей и для отличия себя от прочих горцев, всех остальных называют абадзы, как не признающих над собой княжеской власти» [36, № 94–95]. Немного позже его повторяет А-Д.Г. [4, с. 309].

Ценные сведения о военной организации убыхов сообщены в статье С. Званбая «Зимние походы убыхов на Абхазию». Эта статья была первой работой, целиком посвященной убыхам.

В. Карльгоф, не сообщая ничего нового, целиком воспринимает добытые другими сведения об отличии убыхского языка от черкесского и абхазского и о двуязычии населения [74, с. 17].

Но другие авторы продолжали распространять старую фикцию, будто убыхи принадлежат к черкесам. Этого придерживалось большинство военных авторов (например, Головин) [6, т. IX, с. 282] а также и Т. Макаров. Большая путаница существует и в работах такого солидного исследователя, как Адольф Берже. В работе 1856 г. он в одном месте убыхо-черкесскую границу указывает на р. Шахе, а в другом на р. Сюепсе (Хобзе); считает убыхов особой народностью [16, с. 269, 289–290; 14, январь, с. 163], а в других своих работах он относит убыхов к черкесам [17, с. 298; 15, с. 33].

1860-е годы были временем финала многолетней Кавказской войны. И неудивительно, что на этот период падает ряд работ, осветивших некоторые стороны изучения убыхов. В последний период Кавказской войны (1859–1864 гг.) непримиримые убыхи стояли в центре внимания царского военного командования. Среди многочисленной литературы следует указать на статьи Скорятина, С. Духовского, В. Солтана, И.О. Орехова, П. Невского и особенно на работы известного лингвиста П. Услара.

Последний после длительных поисков человека, знающего убыхский язык, в конце концов нашел сына крупнейшего политического деятеля Убыхии Хаджи-Керендук-Догомуко Берзека, и с его помощью приступил к изучению языка. «Занятия мои, — говорит П. Услар, — прекратились на шестой день, и именно на деепричастиях». Дело в том, что когда вблизи лагеря, где находился П. Услар и молодой Берзек, показалась партия убыхов, то последний бежал к своим. Кратковременные занятия П. Услара все же позволили ему сделать ценные выводы: «Уже то крайне немного, — говорит он, — что узнал я об убыхском языке, вполне убедило меня в близком родстве его с абхазским, хотя и встречаются в нем явления несходные», «я извлек для себя точное убеждение в родстве адыгского языка с убыхским и абхазским», но в то же время «взаимная разница между ними более значительна, чем, например, между русским и португальским». Он высказал предположение, что если бы изучали убыхский язык, то возможно открыли бы следы алан, на которых указывал Я. Потоцкий как на убыхских предков.

В более поздней своей работе П. Услар говорит, что изучением убыхского языка можно решить, насколько основательно мнение Геродота о египетском происхождении колхов, а также разрешить и другую для П. Услара небезосновательную гипотезу о первоначальном заселении

Черноморского побережья лезгинами [147; 148, с. 75–78; 146]. Работы Дж. Белля и П. Услара оказали свое влияние, и ряд авторов начинает различать убыхов и черкесов: Романовский (1860) [130, с. 28], М.И. Венюков (1836) [29, с. 50, 28, с. 90], П. Невский (1868) [109, № 97], Е. Вейденбаум (1888), А.Н. Грен (1895) [37, с. 103], Л. Лопатинский. Последний ошибочно считал, что после поголовного выселения в Турцию около селения Головинского сохранилось убыхское селение в 40 дворов [93, с. 3].

Двойственную позицию занимал акад. Н. Дубровин (1871), который говорит, что «по происхождению и языку убыхи вовсе не принадлежат к племени адыге; но по нравам, обычаям, общественному устройству и, наконец, по всеобщему употреблению у них черкасского языка наравне с природным языком, должны быть причислены к группе черкесских племен» [56, с. 22–23]. За исключением последнего аргумента, остальные могли быть приложены и к абхазам, но они же не черкесы. Н. Дубровину следует и Ф. Щербина [168, с. 4]. Более многочисленную группу составляли авторы, продолжавшие видеть в убыхах одно из черкесских племен. Сюда относятся: А.В. Верещагин (1874) [30, с. 41], неизвестные авторы работ «Татары и черкесы в Турции» (1877) и «Народы Кавказа» (1879) [107, с. 37], Филиппсон (1884), П. Бобровский (1893) [19, с. 29], М.Я. Ольшевский (1895) [114, с. 171, 174], М. Ковалевский (1890) [79, с. 68], С. Васюков [26, с. 102, 103 и др.], С. Дороватовский (1911) [54, с. 28–29], К.Д. Мачавариани (1913) [104, с. 241], Р. Эркерт (1895) [64, с. 262], Б.С. Эсадзе (1914) [170, с. 8], А. Цаликов (1914) — автор единственной беллетристической статьи об убыхах [163, с. 69], П.И. Ковалевский, произвольно разделивший убыхов на варданэ и убыхов [81, с. 104, 105; 80] и ряд других.

Особо следует остановиться на двух авторах XIX в. — Ив. Аверкиеве и Н. Альбове. Первый в 1366 г. неудачно пытался разрешить вопрос происхождения народа. Он писал об убыхах как о племени, образовавшемся из выходцев разных мест; племени, часть которого, по свидетельству лиц, имевших с ним сношения, — некрасовцы, чем можно объяснить некоторое сходство языка убыхов с русским, причем многие названия предметов: скамейка, угол и др. — остались без изменения [3, № 70]. Заметим, что эти названия могли быть заимствованы от русских, а что касается некрасовцев, то это не подтверждается ни одним другим показанием, а данные этнографические и лингвистические отклоняют эту гипотезу.

Н. Альбов, путешествуя с ботанической целью по Западному Кавказу в 1893 г., получил от хакучей (часть шапсугов) некоторые сведения о языке убыхов. По его словам, последние пользовались двумя языками: черкесским, более распространенным среди них, и своим собственным, к которому прибегали тогда, когда хотели законспирировать свой разговор. Последний язык они будто бы называли «абзабзы». Анализировали-

руя этот термин, Н. Альбов приходит к неверному выводу, будто убыхи говорили диалектом абхазского языка [8, с. 141, 142].

Вообще же нужно заметить, что вся дореволюционная литература об убыхах представляла собою или исторические материалы, или лингвистические исследования. К первым следует отнести «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» и ряд статей в «Кавказских сборниках», а ко вторым — работы Бенедиктсена, А. Глейе и, наконец, А. Дирра. А. Глейе на анализе оставленных П. Усларом заметок о языке убыхов пытался доказать близкое родство этого языка с языком древнего народа Передней Азии — митанни.

Датчанин Бенедиктсен (Benediktssen) в 1898 г., прожив три недели среди эмигрировавших в Турцию убыхов, сделал в селении Кырк-пынар небольшие лингвистические записи, состоявшие из маленьких текстов, нескольких страниц грамматики и краткого словаря [50, s. 44; 49. 4, s. 66; 52, с. 373; 59, р. XIII]. Причем, по словам Ушакова, он «выяснил, что часть убыхов и поныне именует себя аланами» [38, с. 57]. Работа Бенедиктсена не была опубликована, но ее знал и использовал в своем труде А. Дирр.

Большой вклад в изучение убыхов сделал покойный лингвист Адольф Дирр. В 1913 г. он был командирован Академией наук в Турцию со специальной целью изучить убыхский язык. Результатом этой поездки были три лингвистические статьи. Первая из них была опубликована в 1916 г. и являлась предварительным сообщением. В ней он окончательно подтвердил вывод П. Услара, что язык этот относится к абхазо-черкесской группе и занимает в ней промежуточное положение между черкесским и абхазским, хотя в фонетическом отношении стоит ближе к последнему [50, с. 415]. Следует заметить, что в более ранней своей работе (1904) А. Дирр не выделял убыхский из черкесских языков и считал его рядом с черкесским и кабардинским за одно из трех разветвлений адыгейских языков [52, с. 380]. В 1918 г. А. Дирр опубликовал маленькую заметку о термине «убых», в которой он доказывал, что первое упоминание об этом народе относится к VI в. у Прокопия Кессарийского [51, s. 313—315]. Основной же труд А. Дирра об убыхах вышел в 1927—1928 гг. и представляет собою краткие сведения об убыхах и исследовании убыхского языка П. Усларом и Бенедиктсеном; далее следовали тексты, грамматика и два словаря: убыхо-немецкий и немецко-убыхский.

В литературе советского времени появились первые исторические исследования о данном народе. Статья Ушакова «Баски и абхазы», помещенная в журнале «Народы Кавказа» № 1 (Тифлис, 1921), является теперь библиографической редкостью, и нам ее не удалось видеть. Судя по тем цитатам из нее, которые приведены в книге Д. Гулия, работа носила совершенно фантастический характер. Ушаков, произвольно разделив

убыхов на 4 племени (алане, соча, варданы и бехи), помещает их во времена до начала н.э. в южной части Черноморского побережья Кавказа. «Вскоре после начала христианской эры, — говорит Ушаков, — алане и варданы двинулись на север и заселили Придонские степи, откуда <...> соединившись с кавказскими племенами и, видимо, отчасти со своими сородичами абхазами, ушли на запад» [38, с. 57, 75, 76]. Положение автора настолько бездоказательно, что не стоит возражений.

Другая историческая работа об убыхах принадлежит историку Абхазии А. Фадееву. Его статья основана на архивных документах, без привлечения печатных источников. В работе дана правильная оценка социального строя, роли убыхов в Кавказской войне. В числе дефектов работы следует отметить: 1) ошибки в транскрибировании социальных терминов; 2) в изложении автора допущен неожиданный провал убыхской истории в годы 1846–1857; 3) неправильная оценка «меджлиса», как организации, созданной по инициативе широких масс свободных общинников в то время как это явно было дело рук племенной знати, пытавшейся с помощью меджлиса укрепить свое пошатнувшееся положение в обществе; 4) А. Фадеев напрасно видит в лице фамилии Чиземогуа — рядовых крестьян Убыхии: на самом деле они были племенной знатью (куашха).

За границей в последние годы появились еще три работы убыховедческого характера — все три лингвистические. Одна из них — книга Ж. Дюмезиля — содержит общие сведения о расселении и судьбе турецких убыхов, тексты, грамматику и небольшой дополняющий работу А. Дирра словарь. Вторая — статья Р. Блейхштайнера — о языковых материалах турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Автор проделал с помощью убыхского языка работу по расшифровке языка «садша»².

Несмотря на то что работы Дж. Белля, П. Услара, А. Дирра и Ж. Дюмезиля достаточно ясно доказали самостоятельность убыхского языка, в литературе сплошь и рядом приходится встречать огульное причисление убыхов то к абхазам, то к черкесам. Абхазами их считал С. Басария (1923) [11, с. 39, 47–48], а черкесами: Сефер-Бей Сиюхов (1922 и 1927) [135, с. 129–130; 7, с. 29]. Н. Яковлев (1928) [174, с. 118, 125], Г.С. Даль (1935) [41, с. 6]. Как это ни странно, даже Сочинский музей краеведения, сосредоточивший у себя ряд материалов о прошлом убыхов, продолжает именовать их «черкесским племенем». Невольно вспоминаются слова П. Услара, сказанные им еще в 1862 г. по поводу статьи Макарова, который отнес убыхов к черкесам: «С удивлением прочел я, <...> что убыхи суть адыгское племя! Убыхи, в виде народа, особого от адыгов и абхаз-

² Третья работа (*Etudes comparatives sur les langues cancasiennes du Nord-Ouest*. Paris, 1932) принадлежит *G. Dumezil*’ю. К сожалению, она мною не использована.

цев, известны были уже в 1797 г. гр. Поттоцкому; в 1862 г. пишут еще, что убыхи суть адыги! Шаг вперед, два шага назад» [146]

Территория и население Убыхии

В XIX в., когда убыхи были вынуждены войти во враждебное соприкосновение с Россией, они обитали на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Шахе и Хоста и главным Кавказским хребтом. Один из авторов заметил, что «граница джигетов (асадзуа. — Л.Л.) и убыхов, как вообще в горах, неопределенна и неизвестна самим жителям» [153, с. 207]. То же самое можно было бы сказать и о границе убыхов с черкесами побережья. Вопрос с определением границ Убыхии осложняется еще больше, если мы примем во внимание, что в XIX в. приходится говорить об Убыхии скорее как о территориально-политической единице, а не этнографическом (лингвистическом) целом: причины этому будут приведены ниже. А. Дирр, принимая границами Убыхии реки Шахе и Сочи, замечает, со слов убыхов, эмигрировавших в Турцию в 1864 г., что размеры Убыхии равнялись «около 30 часов езды вдоль берега и около 24 часов езды от берега до гор Абадзехии и Абхазии» [50, с. 413].

На северо-западе Убыхия граничила с черкесским племенем шапсугов, среди которых проживало много представителей другого черкесского племени — натхуаджей (натухайцы) [96, с. 19]. На севере за Главным хребтом обитало также черкесское племя — абдзахи (абадзехи). Шапсуги, натхуаджи и абдзахи считали убыхов родственным по происхождению народом [86, с. 127–129]. С юго-востока обитали различные западноабхазские общества, известные под общим названием асадзуа (садзен, джикеты, джигеты). Среди последних в верховьях р. Мзымты проживали мдажвюе или медовеевцы, которые известны также под названием ахчипсоу (или ахчипсху) в верховьях р. Псоу находилось общество Аибга; в верховьях р. Кудепсты — общество Цвиджа или Баг; в верховьях р. Хашипсе — маленькое общество Хишха; побережье Асадзуа, от Убыхии и до р. Мзымты, было занято обществами Арт (Аредба, Ардон, Артлар — отсюда Адлер), или Ясхрипш; Гечь (Гечба, Кечь) занимало местность от р. Мзымты до р. Жеопсе; Цандрипш — от р. Жеопсе до рек Бзыбь; Псху проживало в бассейне р. Бзыбь, к востоку от Гагринского хребта.

Горы начинаются у самого берега моря, увеличиваются по мере удаления от него и заканчиваются на границе с Абдзахией Главным Кавказским хребтом, отдельные вершины которого заходят за линию вечных снегов. Среди этих вершин особенно известны: Чура, дающая начало наибольшим убыхским рекам — Шахе и Сочи, и Фишт, с которой текут притоки р. Шахе. Юго-восточнее горы Фишт находится Белореченский перевал, игравший важную роль, так как через него проходил основной